

Взвучающие в кинодраме мелодии и мотивы остаются на слуху. Поэтому закономерно, что Геннадия Гладкова, написавшего музыку для ста

игровых, мультипликационных и видовых картин, считают композитором кино. Сам он с такой оценкой не согласен.

Со штампами

Россе Вести. - 1995. - 1 апр. - с 6.

В ВЕЧНОСТЬ НЕ ВОЙДЕШЬ

Андрей ВЕЙМАРН

- Нынешние консерваторы предпочитают сочинять элитарную музыку, понятную, может быть, только узкому кругу профессионалов, - рассказывает Геннадий. - Каждый считает своим долгом написать симфонию. Эти произведения почти никто не исполняет, их партитуры лежат на совести создателей мертвым грузом. Средние по качеству симфонии никому не нужны. Если новое сочинение с первых же тактов не возбуждает желания разобратся в нем всерьез, оркестр предпочтет сыграть Гайдна или Прокофьева.

Смирившись с тем, что, к сожалению, я не гений, пришлось переключиться на создание музыки для кино и театра. На этом поприще успел составить себе имя и доказать профессиональную устойчивость. Поэтому сейчас просто завален работой. В основном пишу для театра. В народе эта музыка не слишком известна. Часто ее даже не успевают записать, снимая спектакль из репертуара. И все же - это моя основная работа.

Вначале, когда я еще плохо понимал, что такое кино, несколько раз обжегся. По молодости лет взялся за фильм о партизанах. Поскольку сам не партизан и в армии не служил, сделал эту работу, воспользовавшись чужими штампами. Потом мне достался другой образец соцреализма, фильм «Товарищ бригада» - о стройке, кораблях и слесарях. Тема меня корбила, ничего хорошего не вышло. С тех пор отказываюсь от любых неинтересных предложений, что бы за них ни сулили. Предпочитаю сказки, притчи, романтические сюжеты, такие, как история «Бременских музыкантов». Эта музыка принесла мне широчайшую известность, которую так и не смогли превзойти мои более поздние работы к фильмам «12 стульев», «Собака на сене», «Сватовство гусара». Сейчас я получил предложение написать оперу «Синяя птица» для театра Покровского. Иду спонсором, чтобы экранизировать мюзикл «На бойком месте».

- Со времен «Бременских музы-

кантов» вашу киномузыку отличает жизнелюбие и стремление к свободе. Очевидно, не всем это по вкусу.

- Если моя музыка время от времени и вызывала у властей аллергию, это происходило случайно. Им не нравилась сама тема, а не то, как я ее раскрывал. Так было, например, когда я написал музыку к спектаклю областного театра Островского «Оптимистическая трагедия» и Ленкома «Тиль Уленшпигель». Разгромных статей «Советской культуры» удостоилась моя работа над спектаклем Ленсовета «Укрощение строптивой». Не понравилась сама музыка. В балете «Вий» по повести Гоголя власти усмотрели политическую аллюзию. Что, в самом деле, символизировал для них образ всевластного монстра, который без посторонней помощи не мог даже глаза раскрыть?

Творчество в кино рождается из постоянного преодоления. Первые ограничения возникают, когда знакомишься со сценарием. Например, романтической картине излишне философская музыка, шутки и гротеск могут повредить. Чтобы все оказалось в меру, нужно хорошо разобраться, что представляет собой режиссерский замысел. Отснятый материал волевыми отборами отмечает еще какие-то музыкальные идеи. Когда картина соединяется из эпизодов в единое целое, написанная загода музыка может не подойти. Лучше всего работать с почти готовой картиной, подготовив черновые эскизы. То хорошее, от чего при работе над фильмом приходится отказываться, тоже не погибнет. Оно воплотится в чем-нибудь другом, если не в виде оригинальной музыкальной идеи, то в виде штампов.

Штампы есть у каждого композитора. Музыковеды деликатно называют их авторским языком, творческими приемами, характерными мелодиями. На самом деле это надежность и способ мышления. Определенную тему, например любовь, я не могу передать в музыке совершенно по-разному, обращаясь к собственным эмоциям и мыслям. При этом, конечно, возникают вариации, но темы в них достаточно близки. Абсолютно

новое сочинение может пролететь мимо цели, хороший штамп всегда попадает в «яблочко». Для спокойной жизни в кино многие композиторы Запада предпочитают штамп свежей музыкальной идеи.

- Со штампами в вечность не войдешь!

- Искать проявлений вечного в кино просто глупо. То, что сегодня кажется вершиной, завтра - мусор. Даже если музыка и переживет фильм, для которого она написана, это ненадолго. Не через 10, так через 100 лет она пропадет обязательно. Останутся только такие гениальные произведения, как микеланджеловский Давид.

Сначала зарождается идея. Пока она вызревает, хожу вокруг да около, примеряясь, как бы за нее ловчее ухватиться. Когда доходит до работы, делаю ее быстро. Сейчас у меня несколько глобальных задумок - опера, балет и некое музыкальное действо, к реализации которых я медленно, но верно подбираюсь. Разделаться сумею лет через десять. Пока пытаюсь соединить разрозненные идеи, воспользоваться возможностями кино, чтобы провести их апробацию. Выйдет ли из этого что-нибудь стоящее, станет ясно, когда будет дописана последняя нота. Каждому композитору, пока он творит, кажется, что получается шедевр.

- От чего же зависит конечный результат?

- Меня, например, возбуждают звуки рояля, вызывая к жизни новые гармонии и мелодические ходы. Если всерьез обсуждать и рационализировать этот процесс, можно невзначай остановить его вовсе. Когда музыка «не идет», снимаю с мозгов нагар. Играю Баха, Бетховена, Скрибина, Моцарта, слушаю оперы Луччини. Как удалось им написать такую музыку - тайна. Теоретические выкладки ни могут ее разгадать. Один и тот же аккорд у разных композиторов звучит по-разному, в нем может быть столько сияний! Что бы ни нашли теоретики искусства, preparando музыку, как труп, по этой мерке ничего, кроме тупа, не получится. Мне, напротив, нравится, когда она живая.